

З. А. БАРЗАХ

К ВОПРОСУ ОБ ОТРАЖЕНИИ АРИСТОТЕЛЕВСКОЙ ТЕОРИИ
КОМИЧЕСКОГО У ЦИЦЕРОНА И В «TRACTATUS
COISLINIANUS»

Вопрос о влиянии на Цицерона литературных теорий Аристотеля и перипатетиков, и, в частности, о его знакомстве с кн. II «Поэтики» Аристотеля, которая была посвящена комическому, издавна обсуждается в научной литературе. Еще в начале прошлого века Э. Арндт¹ обратил внимание на ряд параллелей между главами «De oratore» Цицерона, посвященными шуткам в речи оратора (De or. II. 236–289), и «Tractatus Coislinianus», который, в свою очередь, по мнению Арндта, прямо восходит ко II кн. «Поэтики». Однако У. А. Грант,² возражая Арндту, отвергает большинство предлагаемых им параллелей, и наиболее очевидные из них — деление комического на ἀπὸ τῆς λέξεως и ἐκ τῶν πραγμάτων γέλωс в Трактате и на in verbis и in re у Цицерона, упоминание ἐκ τοῦ παρὰ προσδοκίαν γέλωс в Трактате и expectiones deceptae у Цицерона — объявляет общими местами.

Полемика эта не завершена до сих пор: последние авторитетные комментарии к De oratore³ прямо ссылаются на параллели с кн. I «Поэтики», «Tractatus Coislinianus» и «Риторикой», в то время как другие исследователи отрицают знакомство Цицерона не только с трактатами Аристотеля и его последователей по теории литературы, но и с «Риторикой» Аристотеля.⁴ Наша позиция в данном вопросе может показаться крайней: мы считаем, что главы «De oratore» Цицерона о смешном ближе к кн. II «Поэтики», чем «Tractatus Coislinianus».

Чтобы обосновать это положение, попытаемся показать, что, вопреки мнению У. А. Гранта, в описании использования неожиданного в речи оратора Цицерон обнаруживает близость взглядов не

© З. А. Барзах, 2004

только с автором трактата, но и с дошедшими до нас высказываниями Аристотеля о смешном, далеко выходящую за пределы «общих мест».

Большинство примеров (три из четырех), которые Цицерон приводит для иллюстрации комического эффекта неожиданного, построены на том, что оратор сначала изображает благожелательность и готовность помочь, а затем неожиданно оборачивает свою речь так, что она оказывается направленной против того, кого он будто бы поддерживал (Cic. De or. II. 284):⁵

... sed ex his omnibus nihil magis ridetur, quam quod est praeter expectationem, cuius innumerabilia sunt exempla, vel Appi Maioris illius, qui in senatu, cum ageretur de agris publicis et de lege Thoria et peteretur Lucullus ab eis, qui a pecore eius depasci agros publicos dicerent, «non est», inquit, «Luculli pecus illic, — erratis», defendere Lucullum videbatur; «ego liberum puto esse: qua libet pascitur».

Но из всех этих <комических тропов> ничто не вызывает восхищение более, чем то, что противоположно ожиданию. Примеры этого неисчислимы; хоть бы слова знаменитого Аппия Старшего, который сказал в сенате, когда обсуждались общественные земли и Ториев закон и Лукулла обвиняли те, кто утверждал, что его скот пасся на общественной земле: «Этот скот не принадлежит Лукуллу, вы ошибаетесь». Кажется, он защищал Лукулла. «Я считаю, [продолжил Аппий], что этот скот свободен: он пасется где ему угодно».

Смысл остроты Аппия, как указывает Рабби,⁶ состоит в том, что по lex Thoria, видимо, скот нарушителя подлежал конфискации, и последние слова Аппия означают вступление в силу этого закона и конфискацию скота.⁷

Такова же острота Красса (Ibid II. 285), с притворной доброжелательностью расспрашивавшего свидетеля Сила, чтобы потом спросить, не ложь ли случайно все, что он говорил (potest etiam fieri, — inquit, — ut omnino, quod te audisse dicis, nusquam audieris); так же герой Новия (Ibid II. 255) в сочувственном тоне (videtur esse misericors) расспрашивает ведущих несостоятельного должника, сколько он должен, но, вместо того чтобы предложить уплатить требуемую сумму, заканчивает словами: «nihil addo, ducas licet» (интересно, что последний пример заимствован Цицероном из комедии: это может указывать на то, что Цицерон считал этот прием уместным в комедии).

В цicerоновском примере на «несогласованность», discrepantia,

являющуюся подвидом *praeter expectationem*,⁸ также содержится кажущееся одобрение, оборачивающееся тяжким упреком: (Cic. De orat. II. 70. 281):

Ridentur⁹ etiam discrepantia: «quid huic¹⁰ abest, nisi res et virtus?»

Смешна также несогласованность: «Чего ему не хватает — кроме богатства и доблести?».

Шутка здесь, конечно, состоит в том, что вопрос *quid huic abest?* предполагает, что человеку, о котором идет речь, не хватает разве что какой-то малости, и при этом тут же выясняется, что у него нет ни состояния, ни доблести.¹¹

В то же время именно как притворную доброжелательность, за которой кроется порицание, описывает Цицерон *dissimulatio*. Такое понимание следует из приводимого им примера *dissimulatio* (Cic. De orat. II. 269):

... ut noster Scaevola Septimuleio illi Anagnino, cui pro C. Gracchi capite erat aurum repensum, roganti, ut se in Asiam praefectum duceret, «quid tibi vis» — inquit — «insane? tanta malorum est multitudo civium, at tibi ego hoc confirmem, si Romae manseris, te paucis annis ad maximas pecunias esse venturum».

... как, например, наш Сцеваля сказал небезызвестному Септимулею Анагнину, который получил золото за голову Гая Гракха, когда тот попросил его назначить его префектом в Азию: «Чего тебе еще надо, безумный? В городе столько дурных граждан, что, уверяю тебя, если останешься в Риме, в скором времени соберешь изрядное богатство».

Под видом «доброего совета» здесь порицается корыстность просителя.¹²

С *dissimulatio* Цицерон сближает другой вид притворной похвалы, состоящий в том, что дурное свойство называется именем добродетели. В примере Цицерона (Cic. De orat. II. 272) Сципион Африканский, исключая из трибы проявившего трусость центуриона, называет его *ninium diligens*.¹³

Для нас важно, что эту *dissimulatio* Цицерон отождествляет с иронией, причем употребляет греческое слово *είρων* (Cic. De orat. II. 270):

In hoc genere Fannius in annalibus suis Africanum hunc Aemilianum dixit fuisse egregium et Graece eum verbo appellat *είρων*; sed... Socratem opinor in hac ironia dissimulantiaque longe lepore et humanitate omnibus praestitisse.

Фанний в своих «Анналах» говорит, что Сципион Африканский был

неподражаем в такого рода остротах, и называет его греческим словом *είρων*; но... я считаю, что Сократ далеко превосходил всех в этой самой иронии и притворстве блеском и изяществом.

В то же время в «Tractatus Coislinianus» упоминается не только *ἐκ τοῦ παρὰ προσδοκίαν γέλωσ* (ср.: *praeter expectationem* у Цицерона) и *ἐκ τοῦ ἀνακολούθου γέλωσ*, который можно сопоставить с цицероновским *discrepantia*, но и ироник, возникающий в числе комических характеров (Tract. Coisl. 9):

ἡθῆ κωμωδίας τὰ τε βωμολόχα καὶ τὰ εἰρωνικά καὶ τὰ τῶν ἀλαζόνων.

Характеры комедии — шутовские, иронические и характеры хвастунов.¹⁴

Таким образом, сходство и сближение и у Цицерона, и в Трактате иронии с комическим эффектом неожиданности и несоответствия может указывать на наличие общего источника. Тому, что это источник перипатетический и близкий к Аристотелю, имеются дополнительные подтверждения.

Дело в том, что упоминание ироника сближает Цицерона не только с Трактатом, но и с одним из немногих достоверных фрагментов кн. 2 «Поэтики» Аристотеля (Arist. Rhet. III. 1419b 6–9):

εἴρηται πόσα εἶδη γελοίων ἔστιν ἐν τοῖς περὶ ποιητικῆς, ὧν τὸ μὲν ἀρμόττει ἐλευθέρῳ τὸ δ' οὐ, ὅπως τὸ ἀρμόττον αὐτῷ λήφεται. ἔστι δ' ἡ εἰρωνεία τῆς βωμολοχίας ἐλευθεριώτερον· ὁ μὲν γὰρ αὐτοῦ ἕνεκα ποιεῖ τὸ γελοῖον, ὁ δὲ βωμολόχος ἐτέρου.

О том, сколько есть видов смешного, сказано в «Поэтике»; одни из них подходят свободному, другие нет. Так что каждый выберет, что ему подходит. Ирония свободнее и благороднее шутовства: <ироник> создает смешные ситуации ради себя самого, а шут — ради другого.

Уже отсюда видно, в чем Цицерон ближе к мысли Аристотеля, чем автор «Трактата». В «Трактате», как мы помним, ироник и шут (*βωμολόχος*) были равноправными «характерами комедии». В то же время у Аристотеля *εἰρωνεία* — вовсе не характер, а «вид смешного», противопоставленный шутовству как более благородный.

Цицерон также видит в *dissimulatio* не характер, а целый комплекс ораторских приемов (в который, как мы показали, входит и *praeter expectationem*), т. е. в каком-то смысле «вид смешного».

Более того, хотя, как мы покажем ниже, представление о наличии «высокого» и «низкого» видов юмора переняли от Аристотеля

не только Цицерон, но и автор «Трактата», и, по-видимому, Теофраст, только Цицерон, вслед за Аристотелем, связывает последний с образом шута — *scurra*.

Говоря в «Никомаховой этике» о крайностях и середине в стремлении вызвать смех, Аристотель раскрывает, кто он имеет в виду под достойным и недостойным свободного видами юмора. Первый он вновь отождествляет с шутством (Arist. EN. IV. 14. 1128a4–7):

οἱ μὲν οὖν τῷ γελοίῳ ὑπερβάλλοντες βωμολόχοι δοκοῦσιν εἶναι καὶ φορτικοί, γλιχόμενοι πάντως τοῦ γελοίου, καὶ μᾶλλον στοχαζόμενοι τοῦ γέλωτα ποιῆσαι ἢ τοῦ λέγειν εὐσχήμονα καὶ μὴ λυπεῖν τὸν σχολτόμενον.

Те, кто преступает меру в смешном, представляются шутами и пошляками, стремясь к смешному любым способом, и более стараясь вызвать смех, чем сказать изящно и не обидеть того, над кем они шутят.

Цицерон также связывал недостойный свободного и противопозитивный оратору вид юмора с образом шута — *scurra*¹⁵ (Cic. De orat. II. 299):

scurillis oratori dicacitas magno opere fugienda est.

Оратору следует старательно избегать шутовских острот.

Ср. выше (Ibid. II. 247):

Temporis igitur ratio et ipsius dicacitatis moderatio et temperantia et raritas dictorum distinguet oratorem a scurra, et quod nos cum causa dicimus, non ut ridiculi videamus, sed ut proficiamus aliquid, illi totum diem et sine causa. Quid enim est Vargula adsecutus, cum eum candidatus A. Sempronius cum Marco fratre complexus esset, «puer, abige muscas». Risum quaesivit, qui est mea sententia vel tenuissimus ingenii fructus. Tempus igitur dicendi prudentia et gravitate moderabimur; quarum utinam artem aliquam habeamus! Sed domina natura est.

Итак, оратора от шута отличает понимание удобного момента, умеренность самого остроумия, сдержанность и редкость¹⁶ такого рода высказываний; и к тому же¹⁷ мы говорим с определенной целью, не для того чтобы казаться смешными, но чтобы получить некую выгоду, а они — весь день и без цели. Ибо к чему стремился Варгула, сказав, когда его обняли кандидат А. Семпроний с братом Марком, «мальчик, отгони мух».¹⁸ Он добивался смеха, который, по моему разумению, есть бесспорно самый ничтожный плод таланта. Так что ограничим себе подходящее время для таких слов благоразумием и серьезностью; если бы только этим качествам можно было как-то научиться! Но тут госпожа — природа.¹⁹

Последние слова указывают на то, что Цицерон считает вкус и такт в шутках не результатом воспитания, а врожденной чертой характера. Для Аристотеля «достойный свободного» юмор, не задевающий чувств собеседника и не унижающий достоинства говорящего, также связан *ἔξις*, складом характера. (EN. IV, 14, 1128a16–20):

τῆ μέσῃ δ' ἔξει οἰκεῖον καὶ ἡ ἐπιδειξιότης ἐστὶν τοῦ δ' ἐπιδειξίλου ἐστὶ τοιαῦτα λέγειν καὶ ἀκοῦειν ὅσα τῷ ἐπιεικεί καὶ ἐλευθερίῳ ἀριόττει. ἔστι γὰρ τινα πρέποντα τῷ τοιοῦτῳ λέγειν ἐν παιδιᾷς μέρει καὶ ἀκοῦειν, καὶ ἡ τοῦ ἐλευθερίου παιδιὰ διαφέρει τῆς τοῦ ἀνδραποδώδους, καὶ πεπαιδευμένου καὶ ἀπαιδευτοῦ. ἴδοι δ' ἂν τις καὶ ἐκ τῶν κωμωδιῶν τῶν παλαιῶν καὶ τῶν καινῶν· τοῖς μὲν γὰρ ἦν γελοῖον ἡ ἀισχρολογία, τοῖς δὲ μᾶλλον ἡ ὑπόνοια· διαφέρει δ' οὐ μικρὸν ταῦτα πρὸς εὐσχημοσύνην.

Среднему же складу присуще и остроумие; остроумному же свойственно говорить и слушать такие вещи, которые подходят приличному и свободному человеку; ведь есть такие вещи, которые такому человеку прилично говорить и слушать забавы ради, и забава свободного отличается от забав подлого люда, а забава образованного — от забавы неуча. Это можно видеть и на примере древних и новых комедий: в первых было смешно срамословие, в последних — скорее намек: а это — большая разница с точки зрения приличия.

В конце этого отрывка, также, как в «Риторике» (Rhet. III. 1419b6–9), речь идет о «достойном» и «недостойном свободного» видах юмора применительно к комедии: Аристотель имеет в виду, с одной стороны, грубую брань древней комедии, а с другой — свойственный современной ему комедии намек, требующий расшифровки.

Таким образом, сопоставляя этот отрывок с приведенным местом из «Риторике» (Rhet. III. 1419b6–9), можно предположить, что, говоря во II кн. «Поэтики» о «высоком» и «низком» видах юмора, Аристотель имел в виду под последним непристойные шутки древней комедии, а под первым — тонкий намек — *ὑπόνοια* — «новой», т. е. в привычной нам терминологии, средней комедии. Причем приличествующий свободному вид смешного, который в «Риторике» — и, по-видимому, в «Поэтике» — назывался *εἰρωνεία*, в «Никомаховой этике» выступает как *ἐπιδειξιότης*. Такая непоследовательность терминологии связана с тем, что *εἰρωνεία* выступает в «Никомаховой этике» в совсем другом значении — как одна из крайностей в отношении внешней самооценки человека с действительностью (Eth. Nicom. II, 7, 1108a19–23):

περὶ μὲν οὖν τὸ ἀληθὲς ὁ μὲν μέσος ἀληθῆς τις καὶ ἡ μεσότης ἀλήθεια λεγέσθω, ἡ δὲ προσποίησις ἡ μὲν ἐπὶ τὸ μείζον ἀλαζονεία καὶ ὁ ἔχων αὐτὴν ἀλαζών, ἡ δ' ἐπὶ τὸ ἕλαττον εἰρωνεία καὶ εἴρων <ὁ ἔχων>.

Относительно истины среднего следует назвать честным, а середине — честностью, притворство же к лучшему — хвастовством, а того, кому оно свойственно — хвастуном; а притворство к худшему — иронией, и <того, кому оно свойственно> — ирониками.

Обратимся к списку «характеров комедии» в «Tractatus Coislinianus».

Как мы помним, он состоит из трех характеров: шута, ироника и хвастуна. Таким образом, комическому поэту в равной мере рекомендуется выводить образы шутов и ироников, и, соответственно, заставлять своих героев прибегать к грубым островам и тонким намекам. Кроме того, среди «характеров комедии» упомянут ἀλαζών, нигде не упоминавшийся у Аристотеля в связи с комедией и смешным. Его появление рядом с ироником, безусловно, является отголоском идей Аристотеля: для него эти два характера, как видно из их определения в «Никомаховой этике», тесно связаны (EN. II, 7, 1108a19–23). Однако, как мы уже видели, иронией в «Никомаховой этике» называется совсем не то, что называлось так в «Поэтике» и «Риторике». Таким образом, в списке характеров комедии трактата можно видеть руку неизвестного посредника, стремившегося, с одной стороны, устранить непоследовательность аристотелевской терминологии, а с другой — смягчить полемическую направленность аристотелевской теории комического против древнеаттической комедии.

Итак, по нашему предположению, положения Цицерона о шутстве и иронии ближе отражают взгляды Аристотеля, чем соответствующий пассаж в «Tractatus Coislinianus», носящий следы влияния неизвестного посредника. Такую ситуацию можно считать типичной: как показывает Ф. Солмсен,²⁰ и в области теории языка и ораторского стиля аристотелевская традиция парадоксальным образом оказалась сильнее в Риме — прежде всего у Цицерона, — чем у греческих теоретиков риторики. К. фон Фриц²¹ показывает, что в Греции влияние Аристотеля чаще всего было непрямым, а происходило через посредство первых поколений учеников, что вызвало ряд непониманий и несоответствий. Таким же, по нашему мнению, было и влияние Аристотеля на автора трактата.

Примечания

¹ Arndt E. De ridiculi doctrina rhetorica. Kirchhainii, 1904. P. 25 sqq.

² Grant W. L. Cicero and the Tractatus Coislinianus // American Journal of Philology. 1948. Vol. 69. P. 80–86.

³ См., например: Rabbie E. Cicero über den Witz, Kommentar zu De or. II 216–290. Amsterdam, 1986, passim. Ср.: Janko R. Aristotle on Comedy. London, 1985. P. 165. По мнению Солмсена (Solmsen A. F. Aristotelian Tradition in Ancient Rhetoric // American Journal of Philology. 1941. Vol. 62 P. 35–50, 169–190, esp. 182–186), риторическая теория Цицерона, а вслед за ним и Квинтилиана, была даже ближе к теориям Аристотеля и Теофраста, чем взгляды поздних греческих перипатетиков, на которых оказала существенное влияние школа Исократ. В частности, в De oratore II. 116–119, разделяя доказательства на связанные и не связанные с искусством оратора, Цицерон воспроизводит аналогичную классификацию из «Риторики» Аристотеля, причем в отличие от греческих последователей Аристотеля включает, вслед за Аристотелем, в число «нетехнических» доказательств даже законы (of. Arist. Rhet. I. 15. 1375a26–b25).

⁴ Fortenbaugh W. W. Cicero's Knowledge of the Rhetorical Treatises of Aristotle and Theophrastus // Cicero's Knowledge of the Peripatets / Ed. by W. W. Fortenbaugh, P. Steinmetz. New Jersey, 1989. P. 40.

⁵ Здесь и далее все цитаты из De oratore Цицерона приводятся по изданию: M. Tullius Cicero. De oratore / Ed. K. Kumaniecky. Lipsiae, 1969.

⁶ Rabbie E. Cicero über den Witz... S. 179.

⁷ То есть non est Luculli pecus illud=non jam Luculli est! «jetzt hat das Vien keinen Besitzer mehr, nämlich wehn lex Thoria in Kraft getzeten ist und damit das Vien konfiskiert worden ist (Rabbie S. 179). У Цицерона этот и следующие примеры оказываются в разряде остроумия in re; что понятно, если учитывать раскрытое Рабби «перформативное» значение слов Аппия (есть здесь, конечно, и острота in verbo — паронимия liberum/libet).

⁸ Rabbie E. Cicero über den Witz... S. 170. Квинтилиан (VI. 3. 84) приводит тот же пример под рубрикой genus decipiendi opinionem, inopinatum.

⁹ Рабби (ibid.) принимает ridentur. Обычное для Цицерона восприятие discrepantia как формы мн. числа ср. рода должно было быть необычным для переписчика, так как в позднем языке discrepantia — nom. sing. ж. рода, и, таким образом, ridentur — lectio difficillior.

¹⁰ Рабби (ibid.) принимает huic на основании параллелей с De or. I. 48. Balb. 9.

¹¹ Ibid.

¹² Cf. Leeman F., Pinkster H., Rabbie E. M. Tullius Cicero. De oratore: Kommentar. Bd III. Heidelberg, S. 304: Ad maximas pecunias esse venturum — was also nach Scaevola der wirkliche Grund der Bitte des Septimuleius war. Об этом Септимулее Плутарх (С. Gracch. 14. 4–5) и Валерий Максим (9. 4. 3) сообщают, что при жизни Гракха он был его другом, однако не только не постеснялся воспользоваться предложением обменять его голову на золото, но еще и добавил в нее для весу свинца. Эта традиция, какова бы ни была в ней доля выдумки, косвенно подтверждает нашу трактовку: по-видимому, даже те, кто, подобно Сцевалу и Цицерону, считал Гракха civis malus, были возмущены поступком Септимулея.

¹³ *Rabbie E. Cicero über den Witz...* S.151: «nimium diligentes» — «übereifrig» statt «Feiglinge» («слишком старательных» вместо «трусов»).

¹⁴ Р. Джанко (*Janko R. Aristotle...* S. 216–218) неосновательно считает этот список неполным, содержащим лишь примеры «отклонений от нормы», которые могут быть представлены в комедии, хотя и отмечает параллель с *Rhet.* III, 1419b 3–6.

¹⁵ Параллелизм между описанием βωμολόχος в *Eth. Nicom.* IV. 1428a4 и scurra у Цицерона отмечал еще Арндт (*Arndt E. De ridiculi...* P. 27).

¹⁶ Редкость острот, конечно, здесь не выступает отдельным требованием: Цицерон не говорит, что острот обязательно должно быть мало, но *raritas* изображается как следствие *moderatio* и *temperantia* (*Rabbie E. Cicero über den Witz...* S. 72).

¹⁷ *Cicero. De oratore libri tres / Ed., comm. by A. S. Wilkins. Amsterdam, 1962, ad loc.: «and besides the fact that».*

¹⁸ Смысл шутки заключается в том, что братья Семпронии носили cognomen *Musca*. По-видимому, в той ситуации Авл Семпроний домогался должности (*Rabbie E. Cicero über den Witz.* S. 73).

¹⁹ Cf. *Cic. Orator.* 88

²⁰ *Solmsen F. Aristotelian Tradition.* P. 182–183.

²¹ *Fritz K. von. Aristotle's contribution to the Practice and Theory of Historiography // University of California Publications in Philosophy.* 1958. Vol. 38 P. 113–138, esp. 114–116.